

Поскребите русского — найдете исповедь

Моск. новости. — 1998. — 28 июня. — с. 20, 21.

Новый роман Виктора Ерофеева «Пять рек жизни» имеет эпиграф: «Бог един» (Бог). Проплыв по великим рекам разных континентов и культур: Волге, Рейну, Гангу, Нигеру и Миссисипи, писатель создал странное сочинение, в котором, как в рекламном йогурте, «каждый найдет то, что ему по вкусу», — заметки наблюдательно и нетривиально путешественника, метафизику, гадость и нежность, злость и высокие прощания. Сам Ерофеев считает роман этапным в своей жизни.

— Что такое роман-река?
— Это странный жанр, в русской прозе не апробированный, хотя имеет аналогию во французской литературе. «Роман флев» — это роман сознания и подсознания. Он может прочитываться на разных уровнях, но вообще ему задан этот тон, и поэтому река там течет не в подсознании, а может, сверх сознания, которое я пытаюсь определить в этом романе. Это то сверхсознание, которое определено в эпиграфе, и оно достаточно серьезно и страшно.

— Вы побывали в местах, в которых нога русского человека ступала очень редко. Изменилось ли ваше представление о человечестве?

— У меня изменилось представление о себе. Я по-другому увидел Россию. Я увидел по-другому мир, природу, Африку.

— Давайте не через запятую. Давайте начнем с себя.

— Я увидел, что те самые телодвижения по жизни, которые мне представлялись уникальными, оказались в какой-то степени разменной монетой в других странах, в фарсовом или, наоборот, трагическом, драматическом варианте. Борьба с диктатурой, либерализм, вестернизация, прогресс — проблемы, которые волновали нас в 70 — 80-е годы, — все

это я увидел в Африке, в Индии. И я понял, что вся эта правда имеет лимитированное распространение, видимо, это часть правды. Поэтому кусок моей внутренней «хаты» сильно обгорел. Во-вторых, я увидел, что мы настолько ленивы и нелюбопытны, Пушкин прав, что самый главный вопрос: почему мы здесь и зачем — обходим стороной. Мне показались поэтому смешными иронические или псевдоиронические попытки постмодерна, концептуализма. Я увидел в этом какие-то игрушки. И понял, что игрушки тоже часть искусства, но все-таки игрушка. И об этом достаточно беспощадно написал. С другой стороны, я пересмотрел свое отношение к Европе. Я увидел тот самый силлогизм Запада, который когда-то меня соблазнял. Я понял, что Восток предлагает очень большие возможности, но ездить туда надо, «пока свастика из нацистского символа не перевернется в сознании в вековечный символ движения». Я понял, что из нас никого не сделаешь: ни буддистов, ни йогов.

Я открыл Африку для себя как бесконечное поле возможностей какого-то далекого будущего, совершенно дикий и невообразимый край, но с мощными проявлениями религиозного сознания. Мы тут бьемся за какие-то доказательства, спорим с Кантом. А там можно поехать в деревню и увидеть все это как часть жизни, часть процесса. Я написал не слезливый, не умильный роман, хотя те мысли, которые в меня вошли, подразумевали некоторую отороченность. Кого-то они могут огоршить и ошарашить, но это во многом расставание с тем, что в романе олицетворяет моя спутница, немка Габриэлла, те самые цепи, кандалы, которые меня тянули к Европе, к

идеям жизненного увеселения и прочее, прочее. Они заняли свое место и в моей жизни, и в романе. Но в финале я остаюсь не с ними.

— То есть вы согласны с расхожей цитатой: «Запад есть Запад, Восток есть Восток»?

— Нет. Запад есть Запад, Восток есть Восток, но есть единство определенных ценностей. Если выбросить всю шелуху за борт, то протекание по реке, безусловно, есть форма очищения. Мне думается, надо оставить идею, что цивилизации Востока и Запада легко соединимы. Россия показала: сталкиваясь на ее территории, они, на-

На Рейне они разыграли другую роль. А в Индии просто испарились. Им там не нашлось места. Не персонаж формирует культуру вокруг себя, а культура делает с персонажем что угодно. Эта переоценка очень хорошо меня встряхнула. Иначе я после первой реки завернул бы домой.

— Может ли среда полностью переделать человека? Предположим, культурный индус может стать европейцем? И становится ли европеец, который выбирает для себя эту философию, образ жизни, настоящим индусом?

— Я думаю, нет. На этом надо поставить крест и особенно не напрягаться. Мне кажется, что у каждого из нас есть своя дверь в вечность. Эта дверь связана с местом жительства, с пропиской, с культурой. Может быть, в других культурах есть какое-то странное отражение, как в реке, этой самой двери, и кажется, что можно пойти туда, но это всего лишь отражение и дверь не открыта, потому что отражение не открывается. Попытки людей, поменяв культуры, найти дверь в вечность в других религиях по-своему важны. Они говорят о том, что Бог един, но, с другой стороны, именно этот акт невозможен. Собственно, на Волге я это и говорю.

Мне кажется, что сейчас тема Запада для многих творческих людей в России исчерпана. Все обратились к модным течениям на Восток. И действительно, там такие стильные структуры, которые сначала совершенно очаровывают. Но мы просто не созданы жить в этих структурах, мы выберем в них такие формы агрессии и тоталитаризма, что они все забьют. Поэтому интерес к Востоку не менее коварен, чем интерес к Западу. Нам надо искать себя здесь, на этой почве. Здесь, в этом раздрыге между Востоком и Западом.

— У вас сложилось впечатление, что кто-нибудь из виденных вами народов нашел себя?

— У меня сложилось впечатление, что меньше всего нашли себя мы. Французы себя чувствуют французами, и итальянцы, и немцы, и вообще весь Запад. И когда идешь по тому же Катманду, видишь, что Непал — это Непал, со всеми своими представлениями о традициях. Мы очень много у себя разворотили и дальше продолжаем. Когда же начинаем что-то делать, то в основном оглядываемся по сторонам. Народ, склонный к самоуничтожению, очень опасный народ. Мы напоминаем животных, которые могут заспать своих детей.

Мне кажется, что для России (собственно, это вывод из книжки) наступил определяющий момент: какими мы себя сейчас выстроим, такими и будем, по крайней мере столетие, если не больше. Опасные инстинкты, которые развились у нас, не надо бояться показывать, но не затем, чтобы бичевать себя и рвать волосы, а чтобы понять: где мы и что с нами.

Россия склонна к исповеди. Французы говорят: «Поскребите русского, найдете татарина». Я думаю, поскребите русского — найдете исповедь. Каждый склонен на третьей минуте разговора исповедоваться: сначала все сводится к тому, что все ужас, беда, кошмар, я жертва, а через пять минут слышишь, что мы лучше всех. Из этого порочного круга выйти невозможно, и потому стоит отправиться туда, где люди действительно живут хуже. И выходят из этой ситуации лучше, чем мы, — не за счет агрессивности или хамства. Россия, к сожалению, оказывается чуть ли не самой хамской страной в мире. Нам на это надо тоже обратить внимание. Как мы с этим справимся? Это большой вопрос. Но хороши мы будем, если вообще откажемся об этом говорить.